

Голубцов А. П. [Рец. на:] Покровский Н. Евангелие в памятниках иконографии, преимущественно византийских и русских. С 225 рисунками в тексте и 12 таблицами. СПб., 1892 // Богословский вестник 1892. Т. 2. № 4. С. 184–196 (2-я пагин.).

Евангеліе въ памятникахъ иконографіи, преимущественно византийскихъ и русскихъ. Н. Покровскаго. Съ 225 рисунками въ текстѣ и 12 таблицами. С.-Петербургъ. 1892. II+LXI+496 стрр. in quarto majore.

Любителямъ православной старины и церковнымъ археологамъ уже давно и хорошо извѣстно имя профессора С.-Петербургской духовной Академіи Н. В. Покровскаго по тѣмъ многочисленнымъ и довольно разнообразнымъ статьямъ и изслѣдованіямъ, которыя время отъ времени печатались имъ на страницахъ *Христіанскаго Чтенія* и въ разныхъ археологическихъ изданіяхъ. Не перечисляя здѣсь всѣхъ произведеній проф. Покровскаго, обнаруживающихъ въ немъ трудолюбіе, ученость и любовь къ церковнымъ древностямъ, отмѣчу лишь послѣднія по времени болѣе крупныя его сочиненія, а именно: „*Страшный судъ въ памятникахъ византийскаго и русскаго искусства*“ (Одесса 1887), „*Миніатюры евангелія Гелатскаго монастыря XII вѣка*“ (С.-Пб. 1888) и „*Стѣнные росписи въ древнихъ храмахъ греческихъ и русскихъ*“ (Москва 1890), въ которыхъ лучше другихъ, — на нашъ взглядъ, выразились задачи, преслѣдуемыя ихъ авторомъ, и научныя приемы, имъ употребляемые. Выходя изъ совершенно справедливой, оправдываемой фактами мысли, что западные ученые при тѣхъ научныхъ средствахъ, какія находятся въ ихъ распоряженіи, не могутъ, еслибъ даже и захотѣли, удовлетворительнымъ образомъ обслѣдовать древнихъ памятниковъ русскаго и византийскаго искусства, проф. Покровскій обратилъ особенное вниманіе на послѣдніе и избралъ для своихъ специальныхъ занятій произведеніе церковной живописи. Въ трехъ выше названныхъ сво-

ихъ работахъ онъ описалъ многіе памятники древне-христіанской, византійской, ново-греческой и русской иконографіи, издалъ въ фототипическихъ снимкахъ стѣнописи нѣкоторыхъ древне-русскихъ храмовъ и нѣсколько миниатюръ изъ Грузинскаго евангелія Гелатскаго, близъ Кутаиса, монастыря и, по примѣру Ѳ. Ив. Буслаева и другихъ нашихъ лучшихъ археологовъ, сдѣлалъ серьезную попытку оцѣнить и объяснить описанные и отчасти изданные имъ памятники церковной живописи путемъ сопоставленія ихъ съ произведеніями старинной византійско-русской письменности. Будучи сами по себѣ цѣннымъ вкладомъ въ нашу сравнительно небогатую церковно-археологическую литературу, означенныя сочиненія проф. Покровскаго представляли въ сущности подготовительную работу, естественнымъ продолженіемъ и завершеніемъ которой служить „*Евангеліе въ памятникахъ иконографіи, преимущественно византійскихъ и русскихъ*“ — трудъ обширный, долготлѣтній и капитальный, вполне заслуженно роскошно изданный Императорскимъ Московскимъ археологическимъ обществомъ.

„Задача настоящаго сочиненія“, по словамъ самого автора, „состоитъ въ церковно-археологическомъ изъясненіи изображеній, относящихся къ евангельской исторіи, преимущественно византійскихъ и русскихъ.... Гдѣ лежитъ первоначальное зерно евангельской иконографіи, гдѣ, когда и при какихъ условіяхъ она развивалась, въ чемъ выражалось это развитіе и къ какому концу оно пришло“? — таковы вопросы, рѣшеніемъ которыхъ общается заняться достопочтенный профессоръ въ своемъ изслѣдованіи. Другими словами, Н. В. Покровскій намѣренъ представить цѣльную исторію евангельской иконографіи, путемъ хронологическаго обзорѣнія памятниковъ уяснить постепенный ростъ послѣдней въ разныя эпохи и въ разныхъ художественныхъ центрахъ; онъ беретъ на себя не легкій трудъ прослѣдить не только общій историческій ходъ византійско-русской евангельской иконографіи, то есть, обозначить главныя стадіи въ развитіи послѣдней, но изложить и объяснить художественную исторію каждаго въ отдѣльности евангельскаго сюжета. Путь, какимъ идетъ авторъ къ рѣшенію этой задачи, заключается въ сравнительномъ изученіи памятниковъ изобразительнаго искусства и произведе-

ній древней византійско-русской литературы. „Приведеніе въ извѣстность и необходимая критика первыхъ“, замѣчаетъ проф. Покровскій во введеніи къ своему изслѣдованію, „покажетъ историческій ростъ иконографическихъ формъ, ихъ видоизмѣненія въ разныя времена, а памятники письменности дадутъ объясненіе внутреннихъ основаній или мотивовъ, вызвавшихъ эти измѣненія“.

Такимъ образомъ, автору приходилось имѣть дѣло съ двоякаго рода данными: вещественными и литературными, предстояло тщательно обслѣдовать тѣ и другія и посредствомъ сопоставленія ихъ выяснитъ дѣйствительную связь нормъ византійско-русской евангельской иконографіи съ преданіями древней письменности. Чтобы сдѣлать это, нужно было напередъ опредѣлить и собрать матеріалъ, подлежащій изученію. Но если находеніе памятниковъ письменности, за немногими исключеніями, уже напечатанныхъ, не представляло особенно сильнаго затрудненія для автора, зато разыскиваніе произведеній христіанской, особенно православно-восточной иконографіи составляло такого рода ученый подвигъ, на совершеніе котораго могъ рѣшиться не всякій, но лишь человѣкъ съ необычнымъ усердіемъ, горячо преданный изучаемому предмету. Желая сократить предстоявшій трудъ, Н. В. Покровскій началъ, какъ водится, съ изученія предшествующей литературы по взятому имъ вопросу. Познакомившись съ многочисленными изданіями и изслѣдованіями русскихъ и иностранныхъ ученыхъ, занимавшихся западною и восточною церковною живописью, онъ долженъ былъ убѣдиться въ невозможности съ помощію готовыхъ научныхъ средствъ придти къ удовлетворительному рѣшенію намѣченныхъ задачъ. „Оказалось, что существующія изданія памятниковъ византійскихъ и русскихъ крайне недостаточны и ненадежны: многіе важнѣйшіе памятники не только не обслѣдованы, но даже и не изданы, выборъ памятниковъ для изданій нерѣдко объясняется побужденіями случайными и внѣшними, а не требованіями существа дѣла; снимки съ памятниковъ иногда даютъ превратное понятіе объ оригиналахъ, явно противорѣчащее основнымъ принципамъ православной иконографіи, а существующая ученая литература касается лишь нѣкоторыхъ частныхъ вопросовъ иконографіи Евангелія, оставляя

незатронутою цѣлою массу ихъ и почти всецѣло оставляя безъ вниманія проявленіе религіозныхъ идей въ памятникахъ русскихъ“. Въ виду такого неудовлетворительнаго состоянія научнаго изученія византійско-русской евангельской иконографіи достопочтенному автору необходимо было, въ цѣляхъ ознакомленія съ ея памятниками на мѣстахъ ихъ нахождения, предпринять рядъ далекихъ путешествій по Россіи, Греціи, Турціи и западной Европѣ. Предпримчивый и энергичный археологъ посѣщалъ публичные и частные музеи, проникалъ въ малодоступныя бібліотеки и ризницы монастырей, соборовъ и приходскихъ церквей, изучалъ произведенія миниатюры, скульптуры, мозаики, фресковой живописи, иконописи, рѣзбы, эмалей, шитья и металлическаго производства и, разумѣется, отсюду извлекалъ цѣлою массу иконографическаго матеріала, мало извѣстнаго и совсѣмъ неизвѣстнаго предшественникамъ его по работѣ. Оставалось разобратъ въ массѣ добытаго матеріала: одни памятники ввести въ среду однородныхъ съ ними, уже оцѣненныхъ должнымъ образомъ въ церковно-археологической наукѣ, историческое значеніе другихъ — выяснитъ съ помощію художественной критики, путемъ взаимнаго сопоставленія памятниковъ и распредѣленія ихъ на такія или иныя группы. Эта послѣдняя работа, то есть, классификація памятниковъ на основаніи сходства ихъ основныхъ формъ, и сдѣлана Н. В. Покровскимъ отчасти въ самомъ сочиненіи, отчасти въ обширномъ введеніи, въ которомъ, послѣ указанія главныхъ задачъ и метода изслѣдованія евангельской иконографіи, авторъ обзрѣваетъ византійскіе, русскіе и западные источники послѣдней и вмѣстѣ даетъ обстоятельную и цѣльную характеристику удѣлѣвшихъ греческихъ, русскихъ, сирійскихъ и армяно-грузинскихъ кодексовъ лицевыхъ евангелій, лицевыхъ русскихъ сборниковъ и другихъ важнѣйшихъ, но мало извѣстныхъ произведеній миниатюрной живописи.

Чтобы дать наглядное представленіе читателю о новомъ изслѣдованіи проф. Покровскаго и предоставить всякому возможность самому судить о содержательности труда его, перечислимъ здѣсь одни заглавія отдѣловъ книги. Соотвѣтственно хронологическому порядку евангельскихъ событій, изслѣдованіе раздѣлено авторомъ на три части. Первая изъ

нихъ, озаглавленная: „*Иконографія дѣтства Иисуса Христа*“, содержитъ въ себѣ исторію изображеній благовѣщенія пресв. Богородицы, посѣщенія праведной Елизаветы, явленія ангела Іосифу, путешествія Іосифа и Маріи въ Вифлеемъ, рождества Христова, обрѣзанія, срѣтенія Господня, поклоненія волхвовъ, бѣгства въ Египетъ, возвращенія святаго семейства изъ Египта, избіенія младенцевъ Вифлеемскихъ и двѣнадцатилѣтняго Иисуса Христа въ храмъ Іерусалимскомъ; вторая часть, озаглавленная: „*Общественное служеніе Иисуса Христа въ памятникахъ иконографіи*“, обнимаетъ собою крещеніе Иисуса Христа, искушеніе Его въ пустынѣ, преображеніе Господне, ученіе Иисуса Христа и чудеса евангелія; третья часть, озаглавленная: „*Конечныя событія евангельской исторіи въ памятникахъ иконографіи*“, самая обширная и заключаетъ въ себѣ воскресеніе Лазаря, входъ Иисуса Христа въ Іерусалимъ, изгнаніе торговцевъ изъ храма, тайную вечерю, умовеніе ногъ, молитву Иисуса Христа въ саду Геосиманскомъ, предательство Іуды, судъ надъ Иисусомъ Христомъ, бичеваніе Иисуса Христа, отреченіе ап. Петра, раскаяніе и смерть Іуды, распятіе Иисуса Христа, испрошеніе у Пилата тѣла Иисусова, снятіе тѣла І. Христа со креста и положеніе Его во гробъ, воскресеніе Иисуса Христа, явленія Иисуса Христа по воскресеніи св. женамъ и Маріи Магдалинѣ, увѣреніе Тѣмы, вознесеніе Иисуса Христа на небо и сошествіе св. Духа на апостоловъ. Изъ приведеннаго перечня заглавій легко видѣть, что всѣ главнѣйшія и даже второстепенныя событія евангельской исторіи, почти вся земная жизнь Господа, были изучаемы Н. В. Покровскимъ по памятникамъ иконографіи. Не всѣ изображенія, относящіяся къ евангелію, одинаково тщательно и подробно изслѣдованы имъ въ сочиненіи; съ большимъ интересомъ и обстоятельностью, какъ и слѣдовало ожидать, онъ говоритъ объ изображеніяхъ важнѣйшихъ евангельскихъ событій, которыя легли въ основу праздниковъ православной церкви и во всѣ времена привлекали и сосредоточивали на себѣ вниманіе византійскихъ, русскихъ и западныхъ художниковъ. Можно безъ преувеличенія сказать, что чѣмъ богаче тотъ или другой иконографическій сюжетъ силою религіозно-художественной мысли, чѣмъ труднѣе под-

дается онъ церковно-археологическому разъясненію, тѣмъ усерднѣе занимается имъ авторъ. Разсужденія послѣдняго объ изображеніяхъ Благовѣщенія, Рождества и Крещенія Христова, Тайной вечери, Распятія и Воскресенія Христова и нѣкоторыхъ другихъ выдающихся событій евангелія составляютъ въ сочиненіи обширные трактаты, которымъ нельзя отказать ни въ систематичности изложенія, ни тѣмъ болѣе въ обиліи содержанія; въ нихъ представлена дѣйствительно полная художественная исторія названныхъ событій, въ которой трудно отмѣтить существенные пробѣлы безъ предварительнаго спеціальнаго ознакомленія съ памятниками евангелійской иконографіи.

Изученіе каждаго иконографическаго сюжета авторъ обыкновенно начинаетъ съ отысканія первыхъ опытовъ его прямого или символическаго представленія въ произведеніяхъ катакомбной живописи, въ скульптурѣ саркофаговъ, въ мозаикахъ древнѣйшихъ римскихъ и равеннскихъ церквей. Указавши памятники съ древнѣйшими изображеніями интересующаго его сюжета, онъ описываетъ ихъ, опредѣляетъ по нимъ типическія черты первоначальной композиціи и затѣмъ уже отправляется отъ нея, какъ исходнаго пункта, къ обзорѣ позднѣйшихъ произведеній христіанскаго искусства, къ иллюстрированнымъ кодексамъ евангелій, псалтирей, словъ Григорія Богослова, мипей, акавистовъ, къ византійскимъ мозаикамъ, стѣнописямъ греческихъ и русскихъ храмовъ, иконамъ, къ новѣйшей византійской и русской скульптурѣ и, наконецъ, къ лицевымъ и теоретическимъ иконописнымъ подлинникамъ. Расположивъ названные памятники по группамъ и непремѣнно въ порядкѣ хронологической послѣдовательности, Н. В. Покровскій отмѣчаетъ въ нихъ болѣе характерные опыты изображеній подлежащихъ изученію евангелійскихъ событій, указываетъ въ этихъ изображеніяхъ видоизмѣненіе иконографическихъ формъ, а нерѣдко и частныя причины, вызвавшія ту или другую перемѣну въ цѣльной композиціи. Присутствуя при этой кропотливой и нерѣдко продолжительной работѣ, читая описаніе за описаніемъ, съ помощію рисунковъ. во множествѣ иллюстрирующихъ текстъ сочиненія, съ одной стороны наглядно представляешь себѣ постепенный художественный ростъ каждаго въ отдѣльности иконографиче-

скаго сюжета, медленное органическое развитіе или просто механическое осложненіе композицій на темы евангельской исторіи; съ другой стороны наблюдаешь привычные приемы критики художественныхъ произведеній и воочію удовольствіешься въ широкомъ знакомствѣ автора съ литературою предмета и съ памятниками византійско-русской иконографіи. Богатство новаго матеріала по исторіи послѣдней рѣзко выдѣляетъ трудъ проф. Покровскаго изъ подобныхъ же трудовъ западныхъ и русскихъ ученыхъ и даетъ ему полную возможность весьма часто дополнять и исправлять тѣхъ и другихъ. Первые половины главъ книги, въ которыхъ авторъ излагаетъ собранный имъ матеріаль, долго не теряютъ своего спеціальнаго значенія и составляютъ, на нашъ взглядъ, самую цѣнную, но сравнительно менѣе интересную часть разсматриваемаго сочиненія.

Описывая памятники византійско-русской иконографіи, Н. В. Покровскій съ возможною полнотою разсматриваль древнѣйшія изображенія евангельскихъ событій, а изъ позднѣйшихъ — выбираль наиболѣе выдающіяся, которыя, не представляя изъ себя однороднаго матеріала, увеличивали бы число оригинальныхъ типовъ и композицій. Старанія его устранить изъ книги все излишнее не вездѣ сопровождалось одинаковымъ успѣхомъ; въ нѣкоторыхъ, впрочемъ весьма немногихъ, отдѣлахъ ея встрѣчаются описанія изображеній, составленныхъ по одному иконописному шаблону, обнаруживающихъ бѣдность творческой мысли и не дающихъ ничего новаго для художественной исторіи того или другаго сюжета. Почему бы автору не удержатъ при себѣ часть этого однообразнаго матеріала, ограничившись однимъ поименованіемъ въ текстѣ или подстрочномъ примѣчаніи иконографическихъ данныхъ, не имѣющихъ важнаго значенія въ установкѣ общихъ положеній? Научный выводъ оттого не пострадалъ-бы, а книга достопочтеннаго профессора отъ начала до конца, во всѣхъ частяхъ, читалась бы, съ одинаковымъ вниманіемъ и интересомъ; теперь же наиболѣе занимательными въ ней представляются тѣ мѣста (средина главъ), въ которыхъ Н. В. Покровскій, послѣ описанія цѣлыхъ десятковъ памятниковъ евангельской иконографіи, оцѣниваетъ послѣдніе, дѣлаетъ общій обзоръ и детальный анализъ основныхъ или типическихъ чертъ въ изображеніи

каждаго евангельскаго событія, опредѣляетъ ихъ происхожденіе и значеніе и вообще объясняетъ подробности символики византійско-русской церковной живописи.

Всю задачу толкованія иконографическихъ композицій на темы евангельской исторіи проф. Покровский сводитъ къ объясненію ихъ внутренняго содержанія, къ выдѣленію изъ того или другаго изображенія заключающихся въ немъ представлений и понятій, а главнымъ единственно надежнымъ средствомъ для такой работы признаетъ памятники древней письменности. Согласно этому приему толкованія твердость объясненія тѣхъ или другихъ сюжетовъ возрастаетъ по мѣрѣ того, какъ увеличивается численность цитатъ въ его пользу, и чѣмъ выше стоитъ достовѣрность источниковъ, на которые ссылаются. Н. В. Покровский прекрасно сознавалъ справедливость этой мысли и неуклонно слѣдовалъ ей въ своихъ комментаріяхъ. Чтобы опредѣлить внутренней смыслъ иконографическаго сюжета, онъ прежде всего обращался за разъясненіемъ къ *священному писанію* и преимущественно къ евангелію -- главному источнику художественнаго вдохновенія, въ которомъ, по словамъ его, „даны не только всѣ основныя темы евангельской иконографіи, но и указаны нѣкоторыя подробности характеровъ, типовъ, обстановки, исторіи событій, важныя въ дѣлѣ художественнаго творчества“. Когда евангельское повѣствованіе оказывалось недостаточнымъ для научнаго объясненія тѣхъ или другихъ художественныхъ формъ, или когда съ помощію его совершенно нельзя было опредѣлить происхожденіе и значеніе отдѣльныхъ частей въ составѣ цѣльной композиціи, проф. Покровский искалъ разгадки не понятнаго иконографическаго явленія въ *священномъ преданіи*, поскольку оно выразилось въ памятникахъ экзегетической, исторической, гомилетической и литургической литературы, а также—въ *апокрифическихъ* и *народныхъ сказаніяхъ*. Впрочемъ произведеніями отреченной письменности онъ пользовался умѣренно, сопоставляя съ ними памятники византійско-русской церковной живописи въ случаяхъ сравнительно рѣдкихъ и, такъ сказать, несомнѣнныхъ, когда заимствованіе извѣстной иконографической детали изъ апокрифическаго источника было очевидно. Много чаще и охотнѣе за разъясненіемъ иконографическихъ сюже-

товъ прибѣгалъ Н. В. Покровскій къ произведеніямъ христіанской литературы. Объясняя изображенія выдающихся евангельскихъ событій, онъ приводитъ, кромѣ евангелія, буквально длинный рядъ выдержекъ изъ писателей древнехристіанскаго періода, святыхъ отцовъ, богослужебныхъ книгъ, церковныхъ историковъ, русскихъ паломниковъ и другихъ подобныхъ источниковъ. Строгій критикъ и въ данномъ случаѣ будетъ упрекать достопочтеннаго автора скорѣе за избытокъ, чѣмъ за недостатокъ доказательствъ въ защиту того или другаго положенія, признаетъ излишними, не достигающими цѣли выписки его изъ всѣхъ тѣхъ литературныхъ произведеній, время написанія которыхъ точно не обозначено имъ въ сочиненіи.

Нѣтъ надобности распространяться о тѣхъ трудностяхъ, съ какими пришлось бороться проф. Покровскому при объясненіи мало изслѣдованныхъ памятниковъ византійско-русской иконографіи, о тѣхъ основательныхъ познаніяхъ въ исторіи христіанскаго искусства, какія требовались отъ него при оцѣнкѣ живописныхъ произведеній, имъ первымъ открытыхъ и описанныхъ; сдѣлаемъ два-три замѣчанія о характерѣ его комментаріевъ. Какъ приѣмъ толкованія памятниковъ иконографіи, которому слѣдовалъ проф. Покровскій, такъ и самыя его объясненія мы, не колеблясь, называли бы церковными. При ученомъ обезужденіи художественныхъ композицій на темы евангельской исторіи онъ твердо стоитъ на почвѣ священнаго писанія и христіанскаго преданія. Изъ опасенія, какъ бы не набросить невыгодный свѣтъ на религіозный характеръ священныхъ изображеній, онъ неохотно ставилъ въ генетическую связь иконографическія формы съ апокрифическими сказаніями, еще рѣже позволялъ себѣ сопоставлять христіанскія изображенія съ языческими со стороны формальной. Отъ начала до конца своего сочиненія достопочтенный авторъ старался держаться въ границахъ точныхъ фактовъ и тамъ, гдѣ какая-либо иконографическая деталь не согласовалась съ историческою правдой, онъ, предложивши свое объясненіе, непосредственно ставилъ вопросъ и такимъ образомъ предоставлялъ читателю явную свободу принимать или не принимать его толкованіе. Изучая тяжеловѣсную книгу Н. В. Покровскаго, невольно чувствуешь, что имѣешь

дѣло съ знатокомъ и хозяиномъ въ своей спеціальности, который строго держится тщательно изученныхъ и внимательно провѣренныхъ иконографическихъ данныхъ, всегда осторожно и съ полною серьезностію судить о нихъ и совершенно свободенъ отъ увлеченій въ крайность, столь часто наблюдаемыхъ въ любителяхъ, собирателяхъ и цѣнителяхъ старины. Преемники проф. Покровскаго по работѣ, очень можетъ быть, не согласятся со всѣми его объясненіями, отмѣтятъ многосмысліе въ нѣкоторыхъ толкованіяхъ, найдутъ его выводы относительно типическихъ чертъ того или другаго иконографическаго сюжета не исчерпывающими всего разнообразія художественныхъ формъ, пожелаютъ ихъ провѣрить, дополнить или измѣнить, но они не осмѣлятся винить достопочтеннаго автора въ поверхностности, поспѣшности и неосновательности. На нашъ взглядъ, онъ столь же научно и умѣло оцѣнилъ памятники евангельской иконографіи, сколь тщательно ихъ собралъ и добросовѣстно изучилъ.

Въ концѣ большинства главъ сочиненія Н. В. Покровскаго, въ видѣ дополненія, помѣщенъ довольно подробный обзоръ важнѣйшихъ *западныхъ* памятниковъ евангельской иконографіи. Авторъ вводитъ ихъ въ кругъ своихъ наблюдений въ качествѣ косвеннаго или второстепеннаго источника византійско-русской иконографіи, чтобы полнѣе и яснѣе представить исторію послѣдней и наглядно показать высокое значеніе Византіи въ средне-вѣковомъ искусствѣ западной Европы. Важная роль византійскаго міра въ данномъ отношеніи давно признается лучшими историками искусства и за послѣднее время все больше и больше привлекаетъ вниманіе ученыхъ, но она до сихъ поръ еще не выяснена; памятники, на основаніи которыхъ могло бы это быть сдѣлано, далеко не всѣ описаны и изданы, свѣдѣнія о нихъ даже въ западной литературѣ не полны. Проф. Покровскій и здѣсь приложилъ свою посильную лепту. Онъ не только собралъ во едино западный матеріалъ для исторіи евангельской иконографіи, разбросанный по разнымъ изданіямъ и изслѣдованіямъ, но и описалъ и отчасти издалъ въ своей книгѣ мало извѣстныя и совсѣмъ неизвѣстныя до него миниатюры нѣкоторыхъ западныхъ кодексовъ евангелій, молитвенниковъ и Библій бѣдныхъ. Изу-

чая западных изображеній евангельскихъ событій, искусно подобранныя и систематически расположенныя въ книгѣ Н. В. Покровскаго, усматриваешь, какъ близко стоятъ древнѣйшія изъ нихъ къ византійскимъ иконографическимъ образцамъ, составляя какъ-бы ихъ копіи, подражаніе или незначительную переработку; какъ восточныя иконописныя традиціи, всецѣло на первыхъ порахъ усвоенныя западнымъ искусствомъ, постепенно въ немъ забывались, пока, наконецъ, не были совершенно оставлены и замѣнены новыми началами въ эпоху возрожденія западно-европейскаго искусства, когда на мѣстѣ византійскаго идеализма водворился окончательно художественный реализмъ. Такимъ образомъ и въ разсматриваемыхъ отдѣлахъ сочиненіе проф. Покровскаго представляетъ много поучительнаго не только для русскаго, но и для иностраннаго церковнаго археолога.

Спеціальныхъ и цѣльныхъ изслѣдованій, посвященныхъ евангельской иконографіи на основаніи памятниковъ византійскихъ и русскихъ, до сихъ поръ не было. Н. В. Покровскій задался счастливою мыслию заполнить этотъ ощутительный пробѣлъ въ церковно-археологической литературѣ и съ честью для себя осуществилъ ее на дѣлѣ. Но сочиненіе его можетъ имѣть не одно научно-историческое, но и церковно-практическое значеніе. Борющіеся со старобрядцами найдутъ въ книгѣ проф. Покровскаго непрекаемые иконографическія данныя для опредѣленнаго рѣшенія спорныхъ вопросовъ о символическихъ изображеніяхъ евангелистовъ Марка и Іоанна, о тресоставности и вообще видѣ креста Христова на древнѣйшихъ памятникахъ. Poleмизирующіе съ католиками по вопросу о литургическихъ формахъ крещенія чрезъ погруженіе и обливаніе встрѣтятъ здѣсь много свидѣтельствъ вещественныхъ и литературныхъ въ пользу предпочтительной древности православной практики предъ латинскою. Но всѣхъ больше практической пользы изъ разсматриваемаго сочиненія могутъ извлечь лица, которымъ впервые приходится имѣть дѣло съ древними памятниками иконографіи, а равно и тѣ, — въ чьихъ рукахъ находится у насъ иконописаніе. Хотя проф. Покровскій во введеніи къ своему сочиненію и говоритъ, что онъ преслѣдовалъ цѣли историко-археологическія и оставлялъ въ сторонѣ задачи пракческаго приложенія археологиче-

скихъ знаній, „какъ предметъ спеціальнаго церковно-практическаго вѣдѣнія въ союзѣ съ художественною техникою“, тѣмъ не менѣе вполнѣ научно сдѣланныя имъ классификація иконографическихъ формъ и распредѣленіе ихъ по эпохамъ, съ указаніемъ особенностей, свойственныхъ той или другой эпохѣ, могутъ послужить для начинающихъ археологовъ надежнымъ критеріемъ въ дѣлѣ распознаванія и хронологическаго опредѣленія памятниковъ старины. Иконописцевъ - художниковъ интересующая насъ книга можетъ познакомить какъ съ подробностями и смысломъ не всегда для нихъ понятной византійско - русской символики, такъ съ древнѣйшими и лучшими опытами изображенія евангельскихъ событій.

Наша современная иконопись, находясь въ полномъ распоряженіи людей, за немногими исключеніями, малосвѣдущихъ или же воспитанныхъ совсѣмъ не въ тѣхъ началахъ, какими должна опредѣляться дѣятельность иконописца, все болѣе отдаляется отъ своихъ византійскихъ образцовъ, рабски слѣдуетъ западнымъ иконографическимъ формамъ и такимъ образомъ постепенно утрачиваетъ свой опредѣленный іератическій характеръ и переходитъ въ свѣтскую живопись. Люди благомыслящіе, которые дорожатъ православною церковностію, сознаютъ зло и совершенно справедливо видятъ спасеніе отъ него въ возвращеніи къ старинѣ, къ древнимъ иконописнымъ преданіямъ. Но какъ воспользоваться художественнымъ опытомъ пережитыхъ столѣтій? Побудить иконописцевъ строго слѣдовать иконописнымъ подлинникамъ въ своей дѣятельности? Но сами подлинники, какъ прекрасно это видно изъ послѣдняго сочиненія проф. Покровскаго, во многомъ уклонились не только отъ образцовъ древне-христіанской живописи въ катакомбахъ и мозаикахъ, но даже значительно отличаются отъ византійскихъ стѣнописей и миниатюръ и представляютъ греческую живопись въ періодъ ея упадка. Заставить иконописцевъ держаться лучшихъ изображеній своихъ отдаленныхъ предшественниковъ по ремеслу? Но кто авторизуетъ имъ достоинство этихъ, положимъ, издавна извѣстныхъ иконописныхъ образцовъ? Чѣмъ станетъ руководиться современный православный живописецъ, если-бы даже онъ захотѣлъ быть вѣрнымъ подлинному иконописному типу и не

довѣрять размаху своей кисти? Въ высшей степени полезны были бы въ данномъ отношеніи полныя, систематически составленныя и церковною властію признанныя собранія точныхъ снимковъ съ образцовыхъ уцѣлѣвшихъ доселѣ изображеній древне-христіанской, византійской и древне-русской живописи. Но пока подобныхъ, церковію одобренныхъ, руководствъ нашимъ иконописцамъ - художникамъ не предложено, имъ остается обращаться за справками и указаніями къ изданіямъ и сочиненіямъ русскихъ церковныхъ археологовъ, въ ряду которыхъ одно изъ первыхъ мѣстъ должно занять „*Евангеліе въ памятникахъ иконографіи, преимущественно византійскихъ и русскихъ*“ Н. В. Покровскаго. Нельзя поэтому не пожелать сейчасъ названному труду возможно - широкаго распространенія среди русскихъ иконописцевъ и вообще всѣхъ тѣхъ образованныхъ людей, которые интересуются успѣхами нашей богословской науки. Искренно жаль, что достопочтенный авторъ, предназначая свою книгу преимущественно для специалистовъ, нерѣдко употреблялъ безъ объясненія далеко не для всѣхъ понятныя иностранныя слова и спеціальныя термины (напримѣръ: модернизация, сателлиты, каѳисма, вегетативный, мандорла, шаракноць, шиксида, антипендіумъ и друг.), а также иногда весьма мало останавливался на описаніи своихъ рисунковъ. Нѣкоторые изъ послѣднихъ не объяснены и даже не пронумерованы въ текстѣ. О достоинствахъ иллюстрацій слѣдуетъ замѣтить, что онѣ исполнены изящно; ниже по отчетливости и ясности рисунка стоятъ тѣ изъ нихъ, которыя впервые являются въ свѣтъ въ книгѣ проф. Покровскаго, но это уже зависѣло не отъ автора, а отъ качества самыхъ оригиналовъ. Въ концѣ сочиненія помѣщены подробное оглавленіе, перечень рисунковъ и предметный указатель, что представляетъ большое удобство для пользованія обширнымъ сочиненіемъ.

Александръ Голубцовъ.

ВОЗЗВАНІЕ.

Покровская академическая церковь при значительномъ умноженіи числа молящихся становится тѣсна во время даже воскресныхъ всенощныхъ и литургій, не говоря уже о дняхъ великихъ праздниковъ. Кромѣ того во время ежевоскресныхъ внѣбогослужебныхъ собесѣдованій въ церковь собирается свыше 700 слушателей, изъ которыхъ многіе по тѣснотѣ храма стоятъ въ далекомъ притворѣ. Нынѣ по благословенію **Его Высокопреосвященства** предпринимается расширеніе св. храма съ перенесеніемъ алтаря на востокъ и съ присоединеніемъ къ храму посредствомъ выломки стѣнъ двухъ большихъ прихожихъ комнатъ. Въ надеждѣ на сочувствіе къ сему начинанію со стороны бывшихъ питомцевъ Московской Академіи и всѣхъ ревнителей вѣры, академическое начальство обращается къ нимъ съ воззваніемъ о посильной помощи. Пожертвованія принимаются лично и по почтѣ: 1) у ректора Академіи Архимандрита Антонія; 2) у старосты академической церкви Николая Николаевича Дружинина (Москва, Замоскворѣчье, Денежный переулокъ, собств. домъ); 3) у почетнаго блюстителя Академіи, Николая Михайловича Федюкина (Москва, Александровскій пассажъ).
